

Н. Лоскій.

Логика проф. А. И. Введенскаго.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о. Пименовская ул., с. д.

МОСКВА — 1912.

Новая форма философского критицизма.

(По поводу книги проф. А. И. Введенского „Логика, какъ часть теоріи познанія“¹⁾).

I. Очеркъ системы.

Безъ сомнѣнія, всѣ любители философіи въ Россіи съ радостью встрѣтили появленіе книги профессора С.-Петербургскаго университета А. И. Введенскаго «Логика, какъ часть теоріи познанія», изданной, наконецъ, въ изложеніи самого профессора, а не по записямъ слушателей. Особенно горячо должны были привѣтствовать эту книгу многочисленные бывшіе и настоящіе ученики почтеннаго профессора, знающіе, что опубликованная имъ система логики есть дѣло всей его жизни. И въ самомъ дѣлѣ, достоинства книги проф. Введенскаго очень велики. Прежде всего необходимо отмѣтить, что рассматриваемая «Логика» есть послѣдовательное выраженіе одной изъ вѣтвей кантіанства, какой это будетъ видно ниже. Какъ бы кто ни относился къ кантіанству, всякій признаетъ, что строго послѣдовательное, до мелочей систематическое осуществленіе логики въ духѣ этого направленія есть подвигъ, содѣйствующій дальнѣйшему развитію философіи, отчетливо вскрывающій сильныя и слабыя стороны кантіанства, хотя бы въ одномъ изъ его развѣтвленій.

Познакомимся прежде всего съ общимъ строеніемъ системы проф. Введенскаго и тогда уже приступимъ къ обсужденію ея достоинствъ и недостатковъ.

Опредѣленіе логики таково: «Логика есть наука о правильномъ мышленіи. Правильнымъ называется мышленіе, пригодное для расширенія знанія» (стр. 1). При этомъ необходимо имѣть

¹⁾ Второе изданіе. Спб. 1912 г.

въ виду, что логика изслѣдуетъ не пути для *открытій* (стр. 2—4), а только средства для *проѣрки* сдѣланныхъ уже открытій (возникшихъ уже «догадокъ»); другими словами, логика изучаетъ *доказательства*, разумѣя подъ этимъ словомъ «*оправданіе сужденія посредствомъ умозаключеній*» (стр. 115).

Логика есть наука, независимая ни отъ какой другой науки, основанная только на самой себѣ (стр. 5, 71). Прежде всего слѣдуетъ отграничить ее отъ психологіи, которая изучаетъ мышленіе безоцѣнно, какъ фактъ, тогда какъ логика «*разсматриваетъ мышленіе только оцѣннымъ образомъ, оцѣнивая idoneity каждого способа мышленія для расширенія знанія*» (стр. 6).

Нельзя не привѣтствовать *намѣреніе* рѣшительно отдѣлить логику отъ психологіи. Какъ извѣстно, устраненіе психологизма изъ логики и гносеологіи есть наиболее увлекательная очередная задача философіи. Но проф. Введенскій идетъ еще дальше: его логика стремится быть независимою также и отъ гносеологіи или, вѣрнѣе, быть *первою частью гносеологіи* (стр. 39).

Основное значеніе для разсматриваемой системы логики имѣетъ ученіе о *логической связи и логической необходимости*. Логическая связь, согласно опредѣленію проф. Введенскаго, «*есть ничто иное, какъ связь, требуемая законами противорѣчія и исключеннаго третьяго*». На ней основывается логическая необходимость или неизбежность: «*логически необходимо то, чего нельзя отрицать безъ появленія противорѣчія въ нашихъ мысляхъ* (само же появленіе противорѣчія становится неизбежнымъ въ силу закона исключеннаго третьяго)» (стр. 234).

Логическая связь существуетъ между посылками и выводомъ всякаго правильнаго умозаключенія. Примѣромъ можетъ служить силлогизмъ «ртуть—жидкость; а всѣ жидкости упруги, слѣдовательно, и ртуть упруга». Согласившись съ посылками, приходится согласиться и съ выводомъ: въ противномъ случаѣ «придется считать противорѣчіе осуществленнымъ», и всѣ жидкости упруги, и есть неупругія жидкости (232). Итакъ, обязанность соглашаться съ правильнымъ выводомъ основывается на законѣ противорѣчія, конечно, въ связи съ закономъ исключеннаго третьяго (233).

Логическая связь встрѣчается также «и помимо силлогизмовъ, напр., нерѣдко она бываетъ между двумя понятіями» (234). Такъ, она существуетъ между субъектомъ и предикатомъ ана-

литического сужденія; поэтому «всякое аналитическое сужденіе логически необходимо». «*Что же касается синтетическихъ сужденій, то въ нихъ нѣтъ никакой логической необходимости, т.-е. каждое изъ нихъ можно отрицать безъ всякаго противорѣчія съ содержаніемъ понятій, образующихъ данное сужденіе*» (234). Конечно, «*не слѣдуетъ смѣшивать логическую необходимость соглашаться съ сужденіемъ съ логической необходимостью самого сужденія*»; «логически необходимо соглашаться съ каждымъ правильно доказаннымъ синтетическимъ сужденіемъ, но въ немъ самомъ нѣтъ никакой логической необходимости» (235).

Законъ противорѣчія и исключеннаго третьяго объясняютъ обязательность вывода, но не даютъ еще отвѣта на вопросъ: «почему выводъ правильныхъ силлогизмовъ долженъ быть такимъ, а не другимъ, и получается только при такихъ, а не другихъ посылкахъ, т.-е. почему лишь нѣкоторые изъ силлогизмовъ оказываются правильными» (231). Отвѣтъ на этотъ вопросъ дается закономъ достаточнаго основанія, запрещающимъ выводы, для которыхъ «нѣтъ никакого основанія въ посылкахъ» (напр., ртуть—жидкость, всѣ жидкости упруги, слѣдовательно, капуста кругла) (235). Наконецъ, на вопросъ, «почему вообще возможны силлогизмы?» (231) отвѣчаетъ законъ тождества; онъ состоитъ въ слѣдующемъ: *мышленіе подчинено такому закону, что отождествляетъ съ ней самой всякую мысль (понятіе и сужденіе), сколько бы разъ она ни повторялась, и въ связи съ какими бы мыслями ни встрѣчалась она въ нашемъ сознаніи*» (239).

Законъ тождества и исключеннаго третьяго принадлежатъ къ числу *естественныхъ* законовъ мышленія. Законъ достаточнаго основанія—*нормативный* (245—249).

Что же касается закона противорѣчія, проф. Введенскій считаетъ его естественнымъ для представленій и нормативнымъ для мышленія, полагая, что противорѣчіе неосуществимо лишь въ представленіяхъ, но не въ мышленіи. Мы понимаемъ названіе «круглый квадратъ», слѣдовательно, «мы мыслимъ обозначаемое имъ понятіе, хотя въ немъ несомнѣнно содержится противорѣчіе». Отсюда вытекаетъ, что «*мышленіе само по себѣ еще не подчиняется закону противорѣчія, но лишь приводится къ этому подчиненію нашими стараніями и усиліями*» (252).

Изложенное ученіе о логическихъ законахъ мышленія и роли ихъ въ умозаключеніи приводитъ къ важнымъ гносеологическимъ

слѣдствіямъ. Такъ какъ обязательность вывода въ правильномъ умозаключеніи обусловлена, между прочимъ, закономъ противорѣчія, то пользоваться умозаключеніями *«умъстно и логически позволительно только въ примѣненіи къ такимъ предметамъ, относительно которыхъ мы уже знаемъ, что они подчинены закону противорѣчія»* (262).

Какіе же это предметы?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ таковъ. «Относительно любого представленія, какое бы ни пришло намъ въ голову, мы тотчасъ же удостоверяемся, что въ немъ противорѣчія, дѣйствительно, неосуществимы, что оно, дѣйствительно, подчинено закону противорѣчія, какъ своему естественному закону (см. выше стр. 251). Но у насъ нѣтъ никакихъ средствъ удостовѣриться, что закону противорѣчія подчинено также и истинное бытіе, т.-е. вещи въ себѣ. Вѣдь изъ того, что противорѣчіе непредставимо, т.-е. неосуществимо въ представленіяхъ, разумѣется еще нельзя дѣлать ровно никакихъ заключеній о бытіи, какъ оно существуетъ само по себѣ, независимо отъ нашихъ представленій, т.-е. независимо отъ того, представляется ли оно нами и какимъ именно» (263).

Слѣдовательно, *«умозаключенія умъстны и логически позволительны только въ примѣненіи къ нашимъ представленіямъ о бытіи или о вещахъ, т.-е. только въ примѣненіи къ тому, какъ намъ представляются бытіе или вещи, но отнюдь не въ примѣненіи къ истинному бытію или къ вещамъ въ себѣ»* (264).

Изъ этого ученія о границахъ «логически позволительнаго употребленія умозаключеній» вытекаютъ два важныя слѣдствія, одно—для математики и естествознанія, другое—для метафизики. Математика и естествознаніе невозможны безъ опосредствованнаго знанія. Поэтому, *«если мы считаемъ математику и естествознаніе (за вычетомъ какихъ бы то ни было гипотезъ, но съ присоединеніемъ къ нимъ всѣхъ наукъ о данныхъ опыта: и психологіи, и лингвистики, и т. д.) знаніемъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ логически обязаны считать всѣ изучаемые ими предметы (и пространство, и время, и всѣ данныя опыта, какъ внѣшнюю, такъ и внутреннюю) не вещами въ себѣ, не самымъ истиннымъ бытіемъ, но нашими невольными представленіями о вещахъ или бытіи, изъ которыхъ (представленій), правда, многія (именно—данныя внѣшняго опыта) кажутся существующими независимо отъ того, переживаются ли они нами, или нѣтъ»* (265).

Эту же мысль можно выразить иначе, пользуясь словами «субъективный» и «объективный» или «транссубъективный» и определяя ихъ слѣдующимъ образомъ: *«субъективнымъ называется все, что входитъ въ составъ душевной жизни; таковы, напр., боль, наслажденія, представленія, какъ произвольныя, такъ и невольныя и т. д. Объективнымъ же, иначе—транссубъективнымъ, называется все, что существуетъ само по себѣ, независимо отъ того, существуетъ ли душевная жизнь, или же ея нѣтъ»* (267).

Въ этихъ терминахъ предыдущая мысль получаетъ слѣдующее выраженіе: *«если мы считаемъ математику и естественныя науки знаніемъ, то всѣ изучаемые ими предметы, т.-е. всѣ данныя опыта, не только внутренняго, но и внѣшняго, включая въ нихъ и пространство съ временемъ, логически обязаны считаться субъективными, хотя часть ихъ кажется объективными или транссубъективными»* (268). Нужно, однако, имѣть въ виду слѣдующее: *«нѣтъ никакого доказательства, что математика и естественныя науки съ логической необходимостью должны считаться знаніемъ. Здѣсь дѣло ограничивается исключительно выясненіемъ условія, при которомъ онѣ имѣютъ логическое право называться знаніемъ»* (266).

Второе слѣдствіе изъ ученія о логическихъ законахъ мышленія относится къ метафизикѣ. Эта наука, изучая истинное, а не только кажущееся, только представляющееся намъ бытіе, принуждена *«состоять только изъ опосредствованнаго знанія»* (269), т.-е. изъ умозаключеній. Но умозаключенія не позволительны въ отношеніи къ тому, что не есть представленіе. Слѣдовательно, *«если мы считаемъ математику и естественныя науки знаніемъ, то все содержаніе такого доступнаго намъ знанія, которое хоть какъ-нибудь, да касалось бы истиннаго бытія (иначе—вещей въ себѣ, ноуменовъ), логически вынуждено ограничиваться только такимъ, чисто ноусологическимъ, а вовсе не метафизическимъ положеніемъ: объ истинномъ бытіи мы ничего не знаемъ и не можемъ знать ничего другаго, кромѣ этой невозможности знанія о немъ, да еще, кромѣ того, что въ видѣ вѣры можно смѣло, безъ всякаго опасенія быть опровергнутымъ со стороны знанія, проповѣдывать объ истинномъ бытіи (иначе о вещахъ въ себѣ, о ноуменахъ) все, что хотимъ»* (269).

Въ защиту метафизики можно возразить, какъ это дѣлаетъ, напр., интуитивизмъ Н. О. Лоссаго, что истинное бытіе дано

въ опытѣ, какъ содержаніе представленія, такъ что метафизикѣ вовсе не приходится быть только опосредствованнымъ знаніемъ ¹⁾. Въ этомъ утвержденіи проф. Введенскій находитъ противорѣчія (стр. 271, 274, 445) и потому остается при своемъ мнѣніи, что метафизика вся сплошь принуждена состоять только изъ опосредствованнаго знанія. Какъ именно проф. Введенскій защищается противъ моего интуитивизма, объ этомъ будетъ сказано ниже.

Перечисленные гносеологическіе выводы совпадаютъ, по словамъ проф. Введенскаго, съ выводами Канта, но получены «другими путями», и «совершенно независимо отъ употребляемыхъ имъ доказательствъ» (273). Въ самомъ дѣлѣ, проф. Введенскій пришелъ къ своему взгляду на математику и естествознаніе, а также на метафизику, исходя изъ своего ученія о логическихъ законахъ мышленія и не пользуясь еще ученіемъ объ апріорныхъ синтетическихъ сужденіяхъ (см. гл. XVII, § 16 «Сохраненіе всей силы нашихъ дополненій къ гносеологіи Канта, даже независимо отъ ученія объ апріорныхъ сужденіяхъ»).

Ученіе объ апріорныхъ синтетическихъ сужденіяхъ есть второй путь для полученія тѣхъ же выводовъ. Къ нему проф. Введенскій подходитъ также изъ логики, именно изъ ученія о способахъ доказательства общихъ синтетическихъ сужденій. На эти сужденія «Логика, какъ часть теоріи познанія» обращаетъ преимущественное вниманіе, такъ какъ только синтетическія сужденія расширяютъ знаніе, при чемъ наибольшее значеніе для знанія имѣютъ *общія* синтетическія сужденія (гл. V, стр. 83—89). Какъ могутъ быть оправданы эти сужденія, вотъ вопросъ, интересующій проф. Введенскаго на всемъ протяженіи его «Логики». Простою установкою данныхъ опыта можно получить только *единичныя* и *частныя* сужденія, а общее синтетическое сужденіе никогда и ни въ какомъ случаѣ, полагаетъ проф. Введенскій, такимъ способомъ получено быть не можетъ, такъ какъ относится къ безконечно большому или неопредѣленно большому числу предметовъ (116).

Отсюда слѣдуетъ, что общія синтетическія сужденія могутъ быть оправданы только *опосредствованнымъ* путемъ, т.-е. не иначе,

¹⁾ См. мою статью „Основательно ли Новое и легкое доказательство философскаго критицизма“? Жур. Мин. Нар. Просв. 1909 г., № 7.

какъ съ помощью умозаключеній. Но каковы должны быть посылки, изъ которыхъ получаются общіе синтетическіе выводы? Пересмотрѣвъ тѣ модусы силлогизмовъ и непосредственныхъ умозаключеній, которые даютъ въ выводѣ общія сужденія, проф. Введенскій доказываетъ, что *«общій синтетическій выводъ можетъ быть правильно полученъ только изъ такихъ посылокъ, среди которыхъ есть, хоть одна, общая синтетическая; изъ однихъ же аналитическихъ посылокъ нельзя правильно получить общій синтетическій выводъ»* (216).

Индуктивные доказательства не составляютъ исключенія изъ этого правила: въ нихъ общій синтетическій выводъ (доказываемый законъ природы) устанавливается съ помощью принципа единообразія природы, который принадлежитъ къ числу общихъ синтетическихъ сужденій (328).

Итакъ, чтобы доказать общее синтетическое сужденіе, нужно уже имѣть въ качествѣ посылки хоть одно общее синтетическое сужденіе; въ свою очередь, если мы хотимъ доказать и это сужденіе, нужно прибѣгнуть къ умозаключенію, въ числѣ посылокъ котораго было бы хоть одно общее синтетическое сужденіе, и т. д. Такъ какъ этотъ процессъ не можетъ итти въ безконечность (стр. 349), то ясно, что для доказыванія общихъ синтетическихъ сужденій необходимо имѣть въ запасѣ большее или меньшее количество общихъ синтетическихъ сужденій, не оправданныхъ никакъ и допущенныхъ въ системѣ знанія только въ виду ихъ завѣдомой годности служить (наряду съ опредѣленіями и данными опыта) послѣдними или высшими основаніями знанія (стр. 149).

Отсюда вытекаетъ слѣдующее: *«если взять все допускаемое нами, въ видѣ математики и естественныхъ наукъ (въ широкомъ смыслѣ слова), опосредствованное знаніе въ его цѣломъ, то окажется, что въ основѣ его лежатъ, кромѣ данныхъ опыта и опредѣленій, еще большая или меньшая группа такихъ общихъ синтетическихъ сужденій, при прямой или косвенной помощи которыхъ, т.-е. употребляя ихъ въ видѣ высшихъ основаній, можно доказать все опосредствованное знаніе, но которыя сами принуждены оставаться недоказанными, а принятыми не только безъ всякихъ доказательствъ въ данное время, но даже и безъ всякой надежды на возможность доказать ихъ когда либо»* (348). Такія сужденія, недоказуемая и однако завѣдомо годныя служить высшими

основаніями математики и естествознанія, проф. Введенскій называетъ *апріорными*.

Теперь возникаетъ новый чрезвычайно важный вопросъ. При какихъ условіяхъ *апріорныя* сужденія могутъ быть дѣйствительно завѣдомо годными для знанія, т.-е. «окажутся согласными со всею совокупностью предметовъ, изучаемыхъ при помощи этихъ сужденій» (367). Это согласіе можетъ быть обеспечено только въ томъ случаѣ, если *апріорныя* сужденія «принуждаютъ предметы, изучаемые при ихъ помощи, подчиняться имъ, какъ законамъ, управляющимъ этими предметами» (стр. 369).

Отсюда (если къ тому же допустить «вмѣстѣ съ Кантомъ», что вещи въ себѣ подчинены логическимъ законамъ мышленія) вытекаютъ три слѣдствія, крайне важныхъ для вопроса о возможности метафизики въ видѣ знанія.

Первое слѣдствіе: Если мы считаемъ математику и естественныя науки знаніемъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ логически обязаны считать всѣ изучаемые ими предметы (и пространство, и время и всѣ данныя опыта, какъ внѣшнюю, такъ и внутреннюю, т.-е. даже самихъ себя, свое «Я» и все то, что сознается нами, какъ происходящее въ нашей собственной душевной жизни) не вещами въ себѣ, не самымъ истиннымъ бытіемъ, но нашими невольными представленіями о вещахъ или бытіи, изъ которыхъ (представленій), правда, многія (именно—данныя внѣшняго опыта, а также пространство и время) кажутся намъ не субъективными, каковы они въ дѣйствительности, а транссубъективнымъ бытіемъ, т.-е. существующими независимо отъ того, переживаются ли они нами или нѣтъ» (стр. 371). Это слѣдствіе профессоръ Введенскій обосновываетъ тѣмъ соображеніемъ, что наши сужденія суть наши мысли, а потому они «могутъ приводить къ согласію съ ними, принуждать быть такими, какъ въ нихъ говорится, только наши же мысли, наши представленія о бытіи или вещахъ, но отнюдь не само истинное бытіе, не вещи въ себѣ, только явленія, феномены, а не ноумены» (371).

Второе слѣдствіе изъ тѣхъ же предположеній состоитъ въ томъ, что «вещи въ себѣ или истинное бытіе должны считаться исключительно трансцендентными, а отнюдь не имманентными» (373). Избѣгнуть этого вывода можно, по мнѣнію проф. Введенскаго, только путемъ внесенія противорѣчія въ понятіе истиннаго бытія, именно только путемъ утвержденія, что истинное